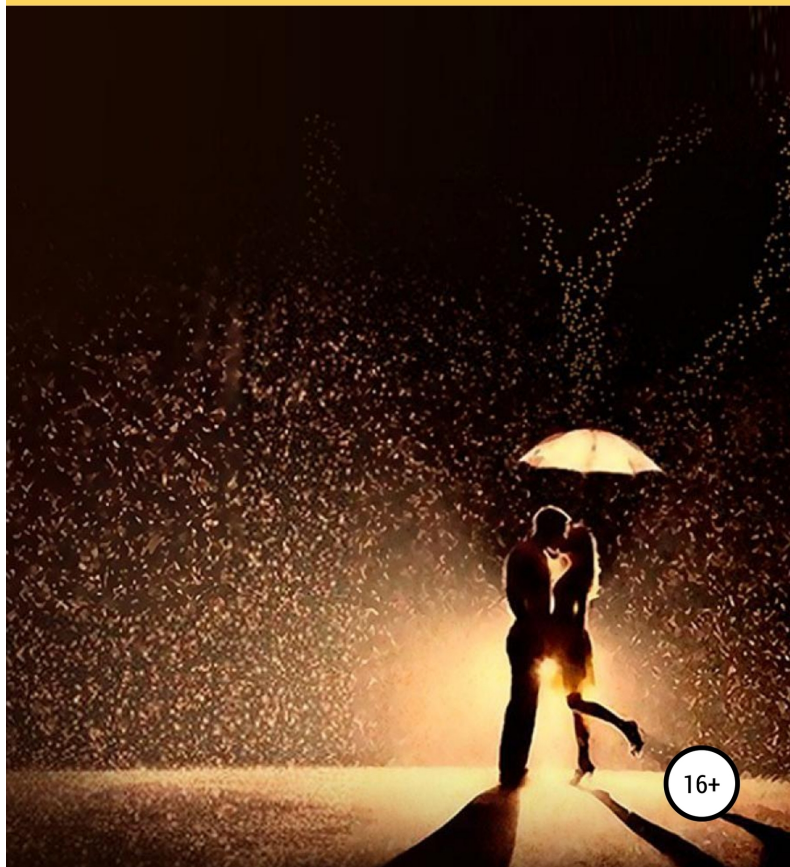

Алексей Суслов

Птицы

16+

Алексей Суслов

ПТИЦЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63381623

SelfPub; 2020

Аннотация

А что такое ЖИЗНЬ? (Чем дальше в лес своего возраста, тем громче птицы). Кофе, бритьё, лайки, такси, студия, музыка, деревянная голова, ватные уши, чай, такси, вайбер, сон.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алексей Суслов

Птицы

Глава 1

Лекс не любил концерты, переходящие из одной даты в другую. Это как из прозрачной и законсервированной бесчувственным холодом Арктики попасть в тропическое мадрево бог весть где находящейся Ганы. И противоположности эти были отнюдь не из-за обычной временной перемены чисел, а из-за того, что странный внутренний мир рэпера выходил из минорной чёрной дыры и вливался в мажорное солнечное свечение. Он не мог делать такие переходы без болезненной резкости. Представьте сверкающее новизной утро, рождающее спустя мгновение величественную, но такую старую ночь. Ну и как вам такие метаморфозы молодого мужского организма?

Вообще, музыка – самая изматывающая стихия в этом мире. Вот вы три дня, неделю, месяц записываете одну композицию, высасываете её буквально из пальца, ломаете свой ритм, свою лирику, ведёте себя как лев и гиена, дышите ожиданиями собственного чуда, предвосхищаете оглушительные возгласы вечно спящей за вами и вашими телохрани-

телями заведённой публики...и спустя 64 дня вы оказываетесь в полном фиаско: вас нет даже в топе-100! Вот тебе и музыка(!)

Нет, музыка заслуживает куда более вдумчивого взгляда, но когда ты в ней круглые сутки, включая около музыкальные затмения сна, невольно задаёшься приватным вопросом самому себе: а ты вообще ЖИВЁШЬ?

А что такое ЖИЗНЬ? (Чем дальше в лес своего возраста, тем громче птицы). Кофе, бритьё, лайки, такси, студия, музыка, деревянная голова, ватные уши, чай, такси, вайбер, сон.

От концерта к концерту Лекс набирал и сбрасывал с себя всё лишнее: вес, эмоции, воспоминания. Он, в принципе, не любил все эти перелёты-переезды, чужие грязные города, чужие грязные такси, чужие грязные клубы, но было одно, ради чего он когда-то бросил литинститут: поклонницы. Их всегда было много, с излишком, но рэпер почти фотографически помнил каждое девичье лицо, как будто каждому поклонялся как доброму божеству. Женщин он боготворил, в каждой находил изюминку, черпал из общения с ними своё словесное и звуковое творчество (как влагу, как воздух, как луну).

Ночами, особенно когда шёл дождь или снег, он забывал о рэпе, сердце Лекса успокаивалось, одевалось в кокон умиротворения, из большой спортивной сумки цвета хаки доставался миниатюрный mp3-плеер, создавался уникальный для этого дня плейлист классической музыки, и он впадал в полный глубочайший транс, по венам ходило счастье, в голове пробуждалась весна, нет ни века, ни года, ни месяца, а только скрипка, рояль, гитара. И ради этих летаргических мгновений настоящего отдыха он работал как загнанная лошадь. Потому что иначе не мог. Потому что только так он был настоящим, без фальши, и на идеальном расстоянии с пустотой мира вокруг. Эти стену между собой и ИМИ он задумал ещё в босоногом детстве, словно уже тогда понимал, что был чужим среди своих. Рэпер, любящий визжание скрипки и звук рвущихся струн? Дурость? нет – не растрачиваемое счастье!

Глава 2

Этому городу никогда не спится. Барахтается пустыми картонными коробками, звенит бутылками из-под пива, с отпечатками чьих-то багровых губ, шепчет тонкими голосками нежных жёлтых листьев, куда-то спешит, воеет, визжит, задыхается, бесится, – и это всё один и тот же город, вечно юный, никогда не смолкающий, а всё повторяющий одни и те же звуки урбанистической музыки.

Лекс проснулся в промежутке между ночью и утром, отодвинул тяжёлые, неприятные на ощупь, шторы, выпил стакан подслащённой воды, принял душ, побрил подмышки, оделся в новое бельё, съел горстку грецких орехов, слегка горьковатых, выпил полстакана козьего молока, и время побежало с удесятерённой силой.

У подъезда его ждала помощница продюсера Оля. По-видимому, на всю неделю она сдала свои лучшие вещи в химчистку, так что рэпер после брато-сестринских приветствий соорудил рожу проходящему мимо почтальону. Тот выставил дулю, перекинул сумку и так понёсся по тротуару, что едва не сбил рекламный постамент – оранжевый бублик с изображением дымка над кофейной чашкой. Лекс усмехнул-

ся, кинул свою повседневную сумку на задние сидения и они укатили, обдав пробегающую рядом тощую таксу содержимым не высыхающей лужи.

Оля была не из болтливых. Она всегда включала песни самого Лекса (для работы), а он, как испуганный ребёнок, начинал искать по карманам ненавистные белоснежные наушники, бурчал, тёр узкий подбородок средним пальцем правой руки, и всегда, когда наушники находились в бездонных недрах его куртки, Оля протягивала Лексу её собственный mp3-плеер, и парень входил во внутренний диалог с тем человеком, которому он был обязан своим громким успехом: Арслану Маратовичу Керании, человеку с абсолютным денежным слухом, со сверхпрочной интуицией и чутьём на большие, да (!) просто огромные доходы. Керания мог из одной спички построить дом, избегая острых углов во взаимоотношениях с миром русского (и не столько) шоу-бизнеса.

Арслан Маратович Младший во всех обстоятельствах оставался неутомимым и всегда голодным ястребом. Поговаривали, лет 6 назад он прибрал к своим рукам весь киевский бомонд, на всех одел не снимаемые ошейники нерасторжимых контрактов, после трёх вскормленных из его мощной руки пряников, провинившийся, принесший ему болезненный убыток, получал раз 40 куда более болезненного кнута. И разговаривал он со всеми, не давая поблажек на пол и

возраст, на одном ему доступном языке, который на TV пока ещё принято глушить добропорядочными звуками, чтобы провинция не подумала, что там, в этой чёртовой столице, все москвичи изощряются во всех тонкостях городского небоскрёбного русско-мирового мата.

Сегодня бешеный продюсер как с одного органа сорвался: даже тонкая, калифорнийская вещица звукохранения теряла сознание, грустная Оля впивалась длинными голубыми ногтями в кожаный обруч руля, кусала пухлые губы и думала, что ещё полгода и она попадёт с такой "работой" в дом для умалишённых. Этот чёртовый абхазец с каждым новыми сутками становился всё более паскуднее и паскуднее. Как будто на него мужской климакс напал. Вон, Катька Белая уже яхту поставила в Ялте, и домик оформляет на отца вблизи Сочи, а она как цыганка – в долгах как в шелках, и скоро одежду будет рыскать в мешках секунд-хендов, за квартиру будет расплачиваться натурой, машину продаст за две копейки и будет искать способ кровной мести в отношении этого... козла, да будь он проклят! Лучше пирожки проходим на Арбате продавать в газетных свёртках, чем смотреть в эти чёрные глаза и слышать этот чёрный голос, лишённый всего человеческого.

Оля крутанула руль и удачно объехала пожилого велоси-

педиста. Глаза устали, словно она ездила по городу без перерыва трое суток. Девушка за три с половиной недели потеряла почти 5 кг. из 68. Ни ребёнка, ни мужа при такой соблазнительной внешности. Её ребёнок, её муж – господин Керания Младший. Слава богу, памперсы не заставляет менять, и не насилует в пьяном угаре.

Девушка прибавила газу, взглянула на часы. 7.48.

Если не успеют в Блу-Грей-холл, он оторвётся на ней по полной программе. И на этом рэпере, который... уснул! Мужики могут уснуть в любом положении тела. Как бегемоты и слоны. И мысли их не выжигают изнутри, а тут хоть ори на всю Москву. Но Москва слезам не верит, увы, и тем более их не слышит.

Глава 3

А.М.Младший спустился со второго этажа по героической лестнице в одних красных трусах. Его лысый египетский череп прямо сверкал, ну (прямо) Фаберже. Из домика из красного кирпича вышли два мордатых жердя, один встал у дорожки, на которой продюсер начал своё движения по земле, а второй подошёл к машине, где замешкались Оля и Лекс. Жердь постучал костяшками пальцев об окно, мол, какого (...)? Дверцы открылись, двое вылезли как раз тогда, когда абхазец залез в свой мини-фонтан и принялся принимать самые тонизирующие водные процедуры. Он практически существовал в водной стихии, пока не спал: вода во внутрь и вода во вне. Особую страсть г-н Керания питал к плодам бахчевых, причём круглогодично.

– Ну, чё вы там встали, бегом сюда! – Абхазец помахал своим подопечным (подопытным) зелёным махровым полотенцем, поглаживая густо волосатую грудь, чем напоминающим ёршик. – Жрать охота, а без ваших кислых рож, ну прямо никакого аппетита! – Охранник помог грузному босу покинуть осенний оазис.

Лекс плёлся за Олей, лениво поглядывая по садам Арслана Маратовича. Там – мраморная статуя перуанской принцессы очень нежного возраста, с венком синих роз и гирляндой пронзительно кумачовых роз; чуть далее, у двух сосен – миниатюрный домик, из которого выглядывали задорные головки двоих лилипутов обоего пола; через 33 шага – здесь рэпера поторопили со входом во дворец личного рая всемогущего и все сильного г-на Керании. Лекс оглянулся назад – парочка лилипутов приступила к купанию огромного кота, чей панический вопль огласил всё поместье и проник во все уши, кроме хозяина этого "заповедника".

В пустынном (пара кадок с дикорастущими растениями, да две груши для тренировки бицепсов) холле гостей встречали две жены продюсера. Обе – полные противоположности друг дружке: у старшей вились по плечам натуральные чёрные волосы (очень-очень чёрные), светлые глаза пронзали насквозь в подобие рентгена, красное с белым поясом свободное платье дополняли худенькие руки, упёртые в бок. Руки были настолько бледны, что можно было предполагать лёгочные заболевания в этом усталом и замученном теле; вторая, младшая пассия особо ничем не выделялась, может быть – лишь отсутствием гармонии между телом и тёмными как египетская ночь раскосыми глазёнками – двумя бусинками чёрного жемчуга. Обе живые мумии взяли за руки Олю

и Лекса, и вся группка направилась на второй стеклянный этаж, а сзади, болтая по радиотелефону, плёлся одурманенный крепким никотином продюсер, в не по-размеру свободных фиолетовых тапочках.

В этом комнатном аквариуме пахло утренним морем. Из динамиков под потолком слышался шум волн, встревоженные чайки резали слух, детские озорные голоса как два свистка сменяли чаек, потом происходило возвращение к водной стихии, и так круглые сутки, кроме летних гроз, когда дом погружался в тишину вампирического склепа. Лекс присел в глухом уголке на кожаный диван в форме авангардных крыл чёрного ангела, рядом с книжным стеллажом, где среди тонких книжек притаились CD, куда объёмнее, куда заметнее. В противоположном уголке расположились Оля и две женщины Арслана Маратовича. Сам хозяин первым делом с слегка суетными движениями наполнил свой "кубок" душистым винцом, употребил, поморщился как старый алкоголик, почесал кадык и уставился диковатым взглядом в мозаику средневековой баталии на море, нависшую над удлинённой головой Лекса. Молодой человек гладил толстую рыжую кошку, кормящую пятерых крошечных котят, мешающих друг другу, в то время как молодая мать вылизывала самого крайнего из ещё почти лысых малышей.

– Так-так, почему такая неблагородная тишина в нашем благородном собрании? – съехидничал слегка захмелевший продюсер, обходя как лечащий врач надоевших пациентов своими полубезумными глазами-свёрами. Никто не смотрел на него, словно он был лишь один голос, прозрачный человек-призрак.

– Мы устали, – Оля пыталась унять дрожь в ногах, но с таким же успехом можно человеческими усилиями остановить океанское цунами. Человек бессилён против того что сильнее его. Керания положил у всех четверых по два листочка писчей бумаги сероватого оттенка. Обе его любовницы переглянулись, вторая пожалала плечами на бессловесный вопросительный взор своей старшей подруги.

– Выкидывайте из себя всю ненависть ко мне. Последствий в виде кары не будет, не в моих интересах подрывать на корню свой бизнес, потому что бизнес сделал меня выше всех вас, круче всех вас. А вы кто такие? Вот вам карандаши, пишите, бунтовщики, пишите что вас не устраивает в МОЁМ РАЮ. А я как Бог буду делать выводы.

Глава 4

Очень трудно говорить правду тем, кто о ней и не слышал никогда. Если человек никогда не видел Солнце (например, он находился в подвале, будучи жертвой какого-то маньяка-садиста), ему ни за что не понять, насколько оно величественное и насколько оно отличается от тьмы. Когда "дорогие гости" удалились кто куда, Арслан Маратович, совсем не являясь вторым Гоголем, бросил "откровения" своих подчинённых в пахнувший елью камин. А ведь он даже не знал, что те бумаги так и остались девственно чисты, все мысли остались там, куда ушли эти люди, которых Арслан Маратович и за людей не считал: кто не заработал страх и преклонение среди толпы, тот зря получил хитрость и лукавность от дьявола. Зачем ты нужен ЭТОМУ МИРУ, если ты не от него?

Утром во двор Арслана Маратовича кто-то кидал пустые бутылки. Собаки так переполошились в своих вольерах, что одному из охранников стало по-бабьи плохо: он даже обмочил свои штаны, купленные где-то в Европе, на Хэллоуин. Пока два остальных "жандарма" приводили его в чувства, вливая медицинский спирт в ноздри, полуголый продюсер выполнил сразу два дела одновременно: и вынес мозг неизвестному абоненту в телефоне и выпустил озверевших псов

на дикую охоту. Три огромных псины бросились во все стороны 89 га усадьбы того, кто кормил их исключительно парным мясом полуголодных медвежат, лишённых своих матерей и скитавшихся по тайге, не зная, зачем они появились в этом мире – ненужные, слабые, боящиеся любого шороха как любой незащищённый ребёнок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.